

АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ

Дезинформация от Вартанова

В не столь давние времена один печально известный мастер пропаганды выработал для манипулирования толпой особые приемы, содержащие принцип «бесконечного повторения одной и той же лжи» и известную фразу: «Чтобы в ложь поверили, она должна быть чудовищной». Публикации Вартанова вполне

предание, что несветайцы не армяне, а происходят от крымских магометан, принявших христианскую веру при переселении армян...»

Как видно из цитаты, Х. Поркшеян не набрасывает никакой «вуали» ни на какие слова, нико-го не называет «черкесо–армя-

О.М. Лусегенов «Приход армян на Дон».

вписываются в вышеуказанные приемы. Создается впечатление, что Вартанов пытается зомбировать читателя непрерывными публикациями по одной и той же теме и повторением одной и той же лжи из статьи в статью. Новое «произведение» Вартанова под названием «Донские армяне как факт истории и этнофакция» в формате книги в 100 страниц – это уже третья публикация, в которой автор поднимает вопрос о происхождении донских армян. Оседлав благодатную для себя тему и ловко манипулируя фальсифицированными фактами для обоснования многократно повторенной лжи, Вартанов в который уже раз упорно настаивает на том, что вместо армян на Дон были переселены тюркоязычные кипчаки, которые якобы в спешном порядке были обращены в Крыму в христианство, а затем переселены на Дон. Для подкрепления своей «кипчакской» теории Вартанов приводит цитаты из исторических документов, в которых говорится о том, что «... козловские некоторые татары объявляют свое желание также выехать вслед за христианами в Россию...» и ссылается на чалтырского исследователя Х. Поркшеяна, не приводя при этом никаких цитат из его работы, а лишь вольно трактуя его слова: «...Хачерес Поркшеян точнее указывал на происхождение нахичеванцев. При этом он избрал обходной маневр. На слово кипчак он набросил прозрачную вуаль, подменив скандально неприемлемое «кипчако–армяне» на «черкесо–армяне...». Пытаясь ввести читателя в заблуждение, Вартанов допускает грубый подлог и полностью искажает смысл текста Х. Поркшеяна. Вот прямая цитата из работы Х. Поркшеяна: «...И в Нахичевани, и в селах, особенно в селе Крым, много граждан, носящих фамилию Черкесян. Старики на основании преданий уверяли нас, что эти Черкесяны–бывшие черкесы. Все они проживали в Крыму вместе с армянами в селах и городах; при переселении армян они, не желая отставать от своих земляков, приняли христианскую веру и вместе с ними переселились на Дон. Даже рассказывали старики такие подробности, что татары, принявшие христианство, выехали из Крыма вместе с греками, а черкесы – с армянами. Рассказывали, что только один татарский род Тохтамышевых выехал из Крыма с армянами и обосновался на Дону, где потомки его проживают и поныне...В городе теперь трудно искать следы этих черкесов, но в селах еще знают об этом и многих просто называют черкесами...Существовало

нами» и даже не намекает на черкесское или тюркское происхождение всех без исключения донских армян, а внятно говорит именно о небольшой части переселившихся с армянами на Дон татар и черкесов, потомки которых носят сегодня фамилию Черкесян именно потому, что их предки были черкесами, а не кипчаками. Однако Вартанов намеренно не приводит прямых цитат из работы Х. Поркшеяна, при этом грубо искажает слова автора и замалчивает истинные факты, поскольку они противоречат его доморощенной «кипчакской» теории. Из текстов исторических документов и работы Х. Поркшеяна, на которые ссылается Вартанов, следует только одна конкретная информация: основная масса переселенцев из Крыма были христианами (армяне и греки), а вместе с ними пожелала выехать некоторая часть татарского и черкесского населения. Казалось бы, вопрос полностью исчерпан, и обсуждать нечего, однако Вартанова не интересуют явные факты из исторических документов, поскольку его цель – не выявить истину, а замазать всех донских армян одной краской и представить всех без исключения переселенцев на Дон турками–кипчаками. Далее, снова ссылаясь на исследования Хачереса Поркшеяна и не приводя никаких прямых цитат из его работы, Вартанов дает только свой комментарий: «...Поркшеян скрупулезно высчитывал первые слова, что усваивал младенец в такой семье. Он выявил феномен первых ста слов... 90–95 слов из ста, что слышит и воспроизводит младенец, не имеют привязки к языку закавказских армян. Они или кипчакские, или производные от крымского кипчакско–татарско–итальянского смешения диалектов...». Вартанов и здесь в очередной раз прибегает к грубой фальсификации текста Х. Поркшеяна, поскольку Х. Поркшеян писал об исследованиях, проводимых только в тех семьях, предки которых были черкесами или татарами, однако Вартанова такая правда не устраивает, т.к. не укладывается в его «кипчакскую» теорию, поэтому снова пускается в ход ложь и подтасовка фактов.

Все языки имеют базовый словарный состав, сложившийся в период возникновения той или иной этнической группы. В лингвистической среде принято пользоваться 100–словным списком базовой лексики американского лингвиста Мориса Сводеша для определения близости или удаленности одних близкородственных языков от других. В новопахичеванском диалекте список базовой лексики не имеет заметных различий

в сравнении с аналогичным списком современного восточноармянского языка: только восемь слов, заимствованных из персидского (ырринд, рринд хороший, хорошо), турецкого (хорр зола, йапрах лист, хум песок, кнокх корень, сахъ весь, живой) и крымскотатарского (йалдов плавание, номай много), вошли в базовый 100–словный список, причем слова из персидского и турецкого активно употребляются также в других армянских диалектах. За 800 лет жизни в отрыве от общеперсидской языковой среды донские армяне сохранили 92 из 100 базовых слов армянского языка, возникших в далекой древности (при этом надо учитывать, что за 1000 лет раздельного развития близкородственных языков меняются 14 слов из 100). Именно эти базовые, исконно армянские слова (пнор живот, мэдз большой, хазнэл кусать, хымэл пить, удэл есть, дал давать, спанэл убивать, арун кровь, оскорр кость, бахъ холодный, дакх теплый, горячий, кал, гал приходит, варрэл жечь, чпор сухой, ангадж ухо, охунг ноготь, машт, март человек, анун имя, виз шея, кэдин земля, шун собака, навгит яйцо, ачк глаз, вотк нога, кылох голова, цэррк рука, эштал, эртал идти, маз волос, сирд сердце, йэс я, тун ты, минк (западноарм.) мы, киднал знать, барргэл лежать, эрган длинный, мис мясо, цуг рыба, нор новый, кышэр ночь, гылар круглый, дэснэл видеть, лысэл слышать, кхун лал (западноарм.) спать, кхар камень, гананчч зеленый, лизу язык, пэран рот, кхитн нос, чнэ нет, агрра (древнеарм.западноарм.) зуб, thathав (среднеарм.западноарм.) дождь, дзарр дерево, чур вода, инчч? что?, вов? кто?, джэрмаг белый, тэхин желтый, ина (западноарм.) тот, са (западноарм.) этот, бочч хвост, арэв солнце, лусинга (западноарм.) луна, гармир красный, джампна дорога, ныстэл сидеть, гайнэл стоять, тхыррчнэл летать, амб облако, астых звезда, годош рог, дзунг колено, маг один, эргу два, мух дым, йэхъ масло, фунд семья и т.д.) слышит ребенок в первые месяцы и годы своей жизни и активно их воспроизводит, когда начинает говорить. О каких кипчаках может здесь идти речь? Какие тюркоязычные кипчаки в состоянии сохранить базовую лексику армянского языка, возникшую несколько тысяч лет назад?

Кроме того, согласно исследованиям академика Г. Ачаряна, новопахичеванский диалект, в отличие от многих других диалектов, а точнее говор сёл Чалтырь и Крым (Топти), по сей день сохраняет спряжение глаголов на –у–, существовавшее еще в древнеармянском языке: кнцхуцхунум, кнцхуцхунус, кнцхуцхуну я показываю и т.д.; гулум, гулус, гулу я наливаю и т.д.; гыдэснум, гыдэснус, гыдэсну я вижу и т.д., гаррнум, гаррнус, гаррну я беру и т.д. В некоторых словах новопахичеванского диалекта сохранились падежные окончания древнеармянского типа склонения: с окончанием исходного падежа грабара –ацн: астиацн, с этой стороны, адтияцн, адтияцн с той стороны, вортияцн с какой стороны; с окончанием родительного и дательного падежей грабара –оцн: маштоцн людей, дыхьоцн детей, исходного падежа кнахькноцн кнахькнах из города в город, дароцн дари из года в год и местного падежа дэхьоцн дэхь местами, кое–где; с окончанием исходного падежа грабара –мэ: маштоцнмэ от людей, дыхьоцнмэ от детей; с окончанием творительного падежа грабара –мов: маштоцнмов людьми, дыхьоцнмов детьми; с окончанием творительного падежа грабара –окн: сирдокхыс мне по

сердцу; с окончанием родительного падежа грабара –н с измененной срединной гласной: мытан ночью, в темноте. С чего вдруг тюркоязычные кипчаки сохранили бы древнеармянские формы спряжения и склонения?

Есть исторический факт: вместе с армянами из Крыма переселилось некоторое количество тюркского населения, принявшего христианство. Как следует к этому относиться? Весьма положительно. Татары и черкесы слегка разбавили армянскую кровь. В свое время, русская кровь, слегка разбавленная татарской, дала миру Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, Н.М. Карамзина, Анну Ахматову (список можно продолжить), предки которых происходили из татар.

Войдя во вкус, Вартанов не останавливается на псевдоисторических измышлениях и, сваливая в одну кучу тюрков–кипчаков и донских армян, выдает следующее: «... речевое и лексическое своеобразие армянского языка и его словарный багаж они отвергали, предпочитая кипчакские... тот же принцип, спустя восемь столетий, обнаруживается в речи и в литературных творениях донских армян...Отчего, став кипчаками, они забыли свой язык и богатейший армянский словарь?». Это утверждение относительно языка донских армян в переводе на человеческий язык звучит так: как же вы, находясь 800 лет в отрыве от общеперсидской языковой среды и постоянно подвергаясь агрессивному влиянию тюркских языков, не сохранили тот язык, на котором сегодня говорят в Восточной Армении? Абсолютно нелепое высказывание, свойственное дилетанту, не имеющему даже поверхностного представления о языковой ситуации в армянских диалектах. Носителя любого западноармянского диалекта, словарный запас которого изобилует тюркизмами, можно упрекнуть в том, что он «отвергает» своеобразие армянского языка и его словарный багаж. В любой научной работе об армянских диалектах можно найти информацию о том, что армянские диалекты заимствовали огромный пласт тюркизмов. В самой Армении, различие между диалектами настолько сильное, что носители разных диалектов и говоров (например, северо–западные диалекты с южными) с трудом понимают друг друга.

Исследуя новопахичеванский диалект, академик Г. Ачарян определил его как диалект ветви «кы» западноармянской диалектной группы армянского языка, а по степени удаленности лексического состава, грамматической и фонетической систем от древнеармянского языка (грабара) расположил на 20–м месте из 36 армянских диалектов. Это очень высокое место, свидетельствующее о том, что даже 800 лет жизни в инонациональной среде не привели к полной тюркизации языка, как это произошло с некоторыми другими диалектами. Новопахичеванский диалект имеет два говора. По звуковому составу говор Нор–Нахичевана, сёл Большая Салы, Султан Салы, Невшатай близок диалекту константинопольских армян, а говор сёл Чалтырь и Крым (Топти) близок другим западноармянским диалектам – себастийскому (ныне Сивас, восток Турции), акнскому (ныне Кемалие, восток Турции), харбердскому (ныне Элязыг, восток Турции), ерзинкайскому (ныне Эрзинджан, восток Турции). По грамматическому строю (по формам спряжения глаголов и порядковых числительных) новопахичеванский диалект близок евдокийскому (ныне Токкат, восток Турции), родостскому (ныне Текирдаг на

северо–западе Турции), сучавскому (Румыния). По формам склонения существительных он отличается от вышеназванных диалектов и примыкает к диалекту гавара Карин (ныне Эрзурум, восток Турции), поскольку в обоих диалектах винительный и дательный падежи имеют одинаковую форму.

По подсчетам академика Г. Ачаряна, из 6000 слов новопахичеванского диалекта, исследованных им в начале XX в., около 3000 слов имеют армянское происхождение (включая диалектные слова), из которых около 1200 слов восходят к исконно армянским словообразовательным корням древнеармянского языка (для сравнения: в кесарийском диалекте около 1000 слов, в бурдурском около 1600 слов, в ардинском 1400 слов, в шатахском 1400 слов, в аратском 3000, в шагахском 1300 слов, перешедших из древнеармянского языка). Остальные 3000 слов новопахичеванского диалекта заимствованы в основном из персидского, арабского, турецкого, крымскотатарского, русского и в меньшей степени из греческого и итальянского языков.

Академик Г. Ачарян собрал 4500 тюркских заимствований в разных диалектах армянского языка, что свидетельствует о запредельном количестве тюркизмов во всех без исключения армянских диалектах, и тому есть известные исторические причины. По степени влияния турецкого языка на армянский, Г. Ачарян выделял три группы: 1) армяне, подвергшиеся языковой ассимиляции и говорящие только на турецком языке; 2) армяне, в словарном запасе которых турецкие слова преобладали над армянскими; 3) армяне, у которых число заимствованных турецких слов было незначительным. По этой классификации, новопахичеванский диалект занимает промежуточное положение между второй и третьей группами, поскольку количество заимствованных тюркских слов, хотя и является значительным, однако не превалирует над армянскими словами.

Не ограничившись псевдоисторическими очерками из жизни донских армян, Вартанов берется за лингвистический анализ новопахичеванского диалекта и делает «потрясающие» выводы. Вот очередной перл из книги Вартанова: «...Армянский тондыр (печь, заглибленная в землю) и продукт ее выпечки–лаваш из пресного теста, кипчаки также отвергли, сохранив верность родной печи «пур». Эту сводчатую печь, сложенную из камня и глины, и в наши дни можно увидеть в сельских подворьях донских армян...». Будучи дилетантом в лингвистике, Вартанов всерьез полагает, что слово пхурр [pʰur] печь является кипчакским, и поэтому, дескать, оно присутствует в словарном запасе донских армян, которые сохранили оное слово в своем лексиконе, будучи якобы турками–кипчаками. Задолго до него армянские лингвисты исследовали этимологию всех армянских слов и сделали совершенно другие выводы, нежели Вартанов. Согласно академику Г. Ачаряну – [pʰur] пурр печь, древнеармянское слово, происходит либо от древнегреческого φορνος форнос печь либо от арабского furna печь, причём оба слова заимствованы из латинского furnus или fornax печь, которые в свою очередь происходят либо от fortus тепло из индоевропейского праязыка, либо от этрусского fornix свод. В грабаре слово имело форму пхурр [pʰur], в литературном восточноармянском и западноармянском языках пхурр [pʰur], в диалектах